

Борис Львов-Анохин:

«ПЛЕВАТЬ НА ВСЕ И ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ХОЧЕШЬ»

В книге воспоминаний Алиса Коонен приводит письмо

Вл. И. Немировича-Данченко

к А. Я. Таирову:

«...нас всегда видели вместе, рука с рукой, как только Театр — через Т большое — подвергался малейшей опасности. Там, где на театр надвигалась пошлость, вульгаризация, снижение его достоинства, нашу связь нельзя было разорвать». Думается, что сейчас, когда на сцену действительно хлынули пошлость, вульгарность, всем художникам надо объединиться в борьбе за достоинство и культуру театра, за то, чтобы скорее наступило время, когда мы имели бы возможность и право написать это слово с большой буквы. Об этом и о многом другом — наша беседа с Борисом Александровичем ЛЬВОВЫМ-АНОХИНЫМ.

— Борис Александрович, три года назад вы приняли художественное руководство многострадальным Новым драматическим. Может быть, это и не подвиг, но что-то отважное в этом поступке есть. Чем он был продиктован?

— Непосредственным побудительным импульсом было желание помочь очень способным людям, которых я могу назвать своими учениками: художнику Андрею Сергееву, режиссерам Владимиру Седову и Василию Федорову. Я знаю, как сложно молодым талантливым художникам добиться самостоятельной творческой работы, и хотел, чтобы у них было свое дело. И второе. Мне хочется надеяться, что здесь может родиться театр, не похожий на другие. Здесь я избавлен от зависимости и волен ставить то, что считаю нужным. Конечно, мне было бы легче остаться в Малом театре или быть режиссером-гастрономом, ведь приглашают на постановку театры Сатиры и Моссовета, «Современник» и МХАТ. Это очень милая жизнь, удобная — все любят, поскольку от тебя ничего не зависит и ты ни за что не отвечаешь, кроме собственного спектакля.

Новый драматический — театр несчастливой судьбы, но в нем оказалось много интересных актеров, замечательных не

только своими дарованиями, но и очень хорошей актерской школой — они ученики выдающегося театрального педагога Виктора Карловича Монюкова. Мне кажется, что здесь есть основание для возникновения своеобразного театра.

— Прошло более двадцати лет, прежде чем вы решились снова возглавить коллектив после драматического опыта с Театром имени К. С. Станиславского.

— Да, я пришел в Театр Станиславского после тринадцати лет работы у моего учителя Алексея Дмитриевича Попова в ЦТСа. Родился прекрасный театр. Достаточно вспомнить, какая там была труппа — Евгений Леонов и Евгений Урбанский, Бурков, Филозов, Савченко, Никишихина, Гребенчиков, Менглет, Сатановский, Ольга Бган — изумительная актриса, рано ушедшая, Рыжкова, Владимирская, Константинова, Корнев... Я могу не называть сейчас кого-то. Это была труппа ярчайшая, удивительная, равной которой сейчас ни в одном московском театре нет. Мы ставили Зорина, Ганину, Наума Коржавина, «Антигону» и «Медею» Ануя. Но как только театр стал обретать свое действительно неповторимое лицо, сверху всеми инстанциями через директора театра Жарковского стали осуществляться различные начальственные ак-

ции, которые вынудили меня уйти. Я понимал бессмысленность своего дальнейшего пребывания в этом коллективе. В конечном итоге все эти действия повлекли за собой гибель театра. Актеры были растеряны, они не были бойцами, как, скажем, актеры Таганки. Я тоже не борец. Когда уходил, казалось, ну и что, ушел и ушел. Но заплатил я за это годами бездействия, страшной депрессии. Я не мог репетировать, ненавидел театр. Пытался что-то ставить и понимал, что ничего не могу. Казалось, что потерял профессию. Только спустя много лет я решил снова прикоснуться к созданию своего театра.

— В репертуаре Нового драматического Достоевский, Лакло и Ростан, в работе — Пиранделло, Толстой. Вас могут упрекнуть в недостаточной связи с современной жизнью.

— Прежде, когда было очень трудно с современными пьесами, я ставил в основном современных драматургов.

В последнее время я потерял к современной пьесе всякий интерес. Что ни читаю, а читаю много, все мне кажется пресным, скучным, опоздавшим, фальшивым, и чем дальше от так называемой современности, тем мне интереснее. Я испытываю нежность к пьесам забытым. Когда я поставил в Малом театре «Мамуре»

Сармана для Елены Николаевны Гоголевой, то отклики наших многоумных критиков, которые писали, что великая Гоголева и неплохой режиссер Львов-Анохин подняли второстепенную драматургию до какого-то уровня, казались мне смешными. Ведь это вздор, потому что «Мамуре» — обворожительная, мудрая, лиричная, тонкая, смешная пьеса. Это настоящий театр, по которому все истосковались.

Сейчас так упала культура — режиссерская, актерская, постановочная, эстетическая, что прежде всего я думаю о ее сохранении. Ищу красоту и гармонию, потребность в которой никогда не иссякнет, пусть даже сегодня она, к сожалению, существует у немногих людей. Поэтому в репертуаре возник «Орленок». Мне было интересно найти стилистику пьесы Ростана, ведь ее романтика — это совсем не пламенный романтизм Гюго. Здесь романтика как бы подточена декадентской изысканностью, как здоровье юного герцога Рейхштадтского лихорадой скоротечной чахотки. Патриотизм, героические порывы, благородство, звонкое французское красноречие — все это звучит в некоем преломлении салона, интеллектуальной теплицы, где в особой атмосфере, при определенной температуре искусственно выра-

щаются редкостные цветы поэтической фантазии.

Это спектакль об изначальной обреченности незаурядного, талантливо впечатлительно, тонко одаренного существа, пытавшегося вступить в борьбу с хорошо отлаженной системой беспощадной государственной машины; о роковой власти и трагическом крушении каждого имперского мифа, даже такого магически обольстительного, как миф Наполеона. Меня волновала судьба и душа юноши, взявшего на себя непосильную миссию возрождения легендарной славы отца и искупления крови, пролитой во имя этой славы.

Меня увлекают поиски стиля, хотя я знаю, что они вызывают раздражение или усмешку у тех, кто считает подобные занятия никому не нужным вздором. А все эти заклипания по поводу театра и жизни, связи с современностью, ее проблемами и героями для меня ненавистны. Не потому, что набили оскомину в те времена, когда нам твердили о социализме и партийном искусстве, а по существу. Таиров все время повторял странную бессмысленную, казалось, фразу: «Театр есть театр». Я готов твердить вслед за ним всем, кто еще не понял, — театр есть театр. Какое он имеет отношение к жизни? Не знаю. Наверное, имеет. Я думаю об этом. Но ставить такую цель — искать связь с жизнью — не могу и не хочу. Да и с чем связь? С базарами и барахолками у каждой станции метро

или с бесконечным количеством бирж? Сейчас я приветствую бегство от действительности в мир театра, эстетики, красоты.

— В апреле состоялась премьера спектакля «Опасные связи», по роману Шодерло де Лакло. Книге предпослан эпиграф из Руссо: «Я наблюдал нравы своего времени и опубликовал эти письма». А результатом каких наблюдений стал ваш спектакль?

— Мне кажется, что люди сейчас затравлены, опустошены, измучены невозможностью любить. Сегодняшняя жизнь чрезвычайно скудна в своей эмоциональной сфере. А с другой стороны, люди стремятся спастись от эмоциональной ответственности, эмоционального бремени, бежать от эмоционального долга в игру, интригу, извращение, ироническое отношение ко всему, что существует. И расплачиваются наркотиками, депрессиями. Все эти процессы сейчас особенно обострились. Я давно хотел поставить Лакло, сам писал инсценировку, пытаюсь сохранить эпистолярный стиль. А потом в Англии увидел спектакль по пьесе замечательного драматурга Кристофера Хэмптона, который удивительно органично перевел письма в диалоги. Там мне подарили эту инсценировку, и я получил возможность осуществить постановку произведения, которое будоражит мое воображение.

— Вам всегда сопутствует чувство, что ваше жизненное занятие не бессмысленно?

— Когда-то Бабанова иронически писала мне из санатория после болезни: «Вот теперь я возвращаюсь для дальнейших упражнений в театре». Я ощущаю радость от выполнения систематических упражнений. Они необходимы, я испытываю в них потребность, как, навер-

ное, танцовщик испытывает потребность в ежедневном уроке у палки и на середине. Это не зависит ни от чего, без этого трудно жить, это я делаю для себя. И вообще, так было почти всегда, но особенно последнее время я делаю только то, что хочу. Мне кажется, это самое главное — плевать на все и делать то, что хочешь. Важно, чтобы тебе самому было интересно, чтобы это тебя занимало. Тогда, наверное, и ощущение смысла не покинет.

— Несмотря на драматические повороты вашей личной судьбы и трагическое ощущение жизни, я не заметила в вас стремления к глубокомыслию и серьезности. Вы мне показались человеком веселым и остроумным. Что дает вам жизненные силы?

— Мне всегда смешно, когда человек говорит о себе: я — деятель искусств, творческий человек или — мое творчество, хотя сам иногда могу так обмолвиться. Мне нравится, как Мария Ивановна Бабанова говорила: «Нужно иметь доску, рубанок и строгать». Вот и все. Надо владеть ремеслом, уметь что-то, стараться это умение совершенствовать, а не жречествовать или делать вид, что занимаешься общественным служением и решаешь судьбы народа, государства и человечества. И потом мне помогает еще вот что. Я ведь знаю многих режиссеров, которые ненавидят артистов и истребляют их, как могут. Мне знакомы актерские скверны, я иногда очень резко с ними борюсь, но не утратил способности любить этих смешных и несчастных людей. И пока я их люблю, все возможно. Вот и буду заниматься своим делом. Пока любовь не иссякнет.

Беседу вела
Ольга ХАРИТОНОВА.